

01.04.99

О НЕКОТОРЫХ СИСТЕМНЫХ ЗАМЕЧАНИЯХ, ВОЗНИКШИХ ИЗ БЕССИСТЕМНОГО ЧТЕНИЯ О ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ ПРАВОСУДИИ

Н.Л.Хананашвили, РБФ НАН, Москва, Россия

ГЛАВА I. У НАС - СПЛОШНОЙ “АТАС”

В том, что сегодняшнее российское правосудие в отношении несовершеннолетних нуждается в реформировании, почти никого убеждать не нужно. Неутешительная динамика, приводимая в криминологических исследованиях, посвященных проблемам детской, подростковой и молодежной преступности, даже официального уровня, свидетельствует о становящихся устойчивыми грозных отрицательных тенденциях^{1,2}. Странно, если бы сегодня это было иначе. Многочисленные декларации о необходимости срочных усилий на самом высоком государственном уровне либо теряются в лабиринтах коридоров федеральной законодательной и исполнительной власти, либо вязнут в болоте обычаев российской правоприменительной практики.

Вместе с тем, если сегодня не поставить открыто множество вопросов, связанных с изменением подходов к судебному рассмотрению дел с участием несовершеннолетних, то надежды на улучшение положения во взаимоотношениях государственной юстиции, в широком смысле, и несовершеннолетнего никакой.

Вопрос, что называется, перезрел. В 1991 году разработчики Концепции судебной реформы в Российской Федерации предложили к 2000 году разработать и внедрить в России ювенальную юстицию.

До 2000 года - рукой подать, а ее как не было, так и нет.

Мечты о полноценной ювенальной юстиции остаются мечтами.

Удивительно, иногда, как сложно и проблемно разумные и, с нашей точки зрения, очевидные институты и процедуры, используемые человечеством в одной области своего обитания, пробивают себе дорогу в аналогичных сферах жизнедеятельности человека.

Никому не придет в голову отправиться с ребенком к терапевту: для этого существует педиатр. Почему же мы считаем, что ребенка может судить общий специалист по вопросам “взрослого” права?

Статистика сегодня, впрочем как и всегда, кроме как “эффекта пожара”, ничего произвести не может. Государству пора от роли “статиста” или “кликлуши” переходить к роли врача. При этом, желательно, не хирурга.

¹ Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национальный план действий в интересах детей). М: международный издательский дом “Синергия”, 1996, 162 стр.

² Семья в России. Проект периодического доклада о реализации Российской Федерацией Конвенции о Правах Ребенка в 1993-1997 гг. М.: Научный общественно-политический журнал, спецвыпуск, №4, 1997.

Итак, для нас очевидно, что одно из центральных мест в работе по заметному улучшению криминогенной ситуации в стране занимает реформа системы правосудия по делам несовершеннолетних - **воссоздание** ювенальной юстиции. Наряду с этим, необходимо понимать, что такая реформа должна будет продвигаться в следующих направлениях:

а) реформирование российской системы судопроизводства по делам несовершеннолетних - создание институтов ювенального судьи и ювенального суда;

б) создание элементов системы социальной сферы (внедрение новых социальных технологий), связанных с необходимостью взаимодействия несовершеннолетних и общества;

в) системное объединение ювенального судопроизводства и его социально-правового окружения в концептуально целостную систему правосудия для несовершеннолетних - ювенальную юстицию.

Следует, таким образом, отличать ювенальную юстицию и ювенальное судопроизводство, поскольку судопроизводство представляет собой совокупность государственных институтов и правовых норм, в то время как юстиция, в нашем понимании, предусматривает участие и негосударственных структур (адвокатура, социальные работники из негосударственных структур, другие социально-правовые институты).

Необходимо акцентированно отметить, что употребляемые нами понятия означают не только потребность в возрастании специализации судьи, занимающегося проблемами правонарушений в среде детей и подростков, но и важность формирования целой совокупности правовых и социально-психологических конструкций, гармонично сочетающихся в поисках оптимального для подростка и, в конечном итоге, - для общества, способа решения весьма серьезных проблем. И это не только проблемы самого ребенка, его окружения, не только проблемы дня сегодняшнего - это проблемы будущего нашего общества.

Как правило, общество способно самостоятельно поставить себе диагноз, т.е. определить совокупность текущих и перспективных проблем. Можно достаточно долго ругать статистику, однако цифры, ею приводимые, содержат, во всяком случае сегодня, некую относительно достоверную информацию. И эта информация становится отправной точкой для определения векторов, в направлении которых обществу необходимо предпринимать те или иные решения и действия.

Сложнее обстоит дело, когда требуется определить, **что** именно необходимо предпринимать для нормализации ситуации и, самое главное, **как это следует делать**. То есть, по существу, мы сталкиваемся с той же методологией постановки вопросов, что и современное правосудие, для которого важнее уже названных являются вопросы: *“Что случилось? Кто виноват в этом?”*³, ориентированное на карательную модель. Такая модель, выстроенная на основе принципа *“воздаяния по заслугам”*, обращена в прошлое, а раз так, то ее практически не интересует будущее, возможность восстановления баланса отношений, существовавших до преступления, восстановления справедливости и мира.

³ Х.Зер. Восстановительное правосудие. Новый взгляд на преступление и наказание. М: МОО “Судебно-правовая реформа”, 1998. стр 79.

Прежде чем мы начнем изложение предлагаемого комплекса действий, кратко отметим основные недостатки и проблемы нынешнего правосудия в отношении несовершеннолетних, что, впрочем, может быть отнесено мною и к современной политике, законотворческой деятельности и правовой практике государства в отношении защиты прав несовершеннолетних, и к правосудию “взрослому”. Далее в тексте мы непременно приведем аргументы в подтверждение этих более широких по своему смыслу утверждений.

В несколько иной форме большинство недостатков правосудия в отношении несовершеннолетних было перечислено Рустемом Максудовым (Центр “Судебно-правовая реформа”) при встрече по проблемам выработки концептуальной базы для последующего законопроекта “О ювенальной юстиции”. Встреча состоялась 13 января 1999 года в рамках проекта, финансируемого ПРООН, в Институте проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ.

Собственно, именно эта встреча стала импульсом, который вынудил автора настоящей работы изложить свои мысли по этому поводу. Нельзя не отметить и несколько статей специалистов из различных стран (Канада, Франция, Норвегия, Новая Зеландия, США, Польша, Чехия), посвященных этой же теме. И, безусловно, перевод книги Ховарда Зера, произведенный по инициативе и силами общественного Центра “Судебно-правовая реформа”.

Итак, ниже приводятся недостатки нынешнего правосудия, а также в корне неверной государственной политики, несколько иначе интерпретированные и сопровождаемые собственными комментариями автора настоящей статьи:

- 1. Приоритет карательной функции.**
- 2. Незаветвленность судебных решений.**
- 3. Инерционность судебного процесса.**
- 4. Незначительность участия общества.**
- 5. Незрелость социальной профессиональной инфраструктуры.**
- 6. Недостаточность усилий власти для исправления ситуации.**

1.1. Приоритет карательной функции.

В том, что карательная функция в нашем государстве до сих пор превалирует, надеюсь, никого убеждать не нужно. Поэтому здесь мы лишь назовем этот недостаток. Примеры каждый читатель с легкостью обнаружит либо в своей собственной жизни, либо в СМИ. Более подробные исследования по этому поводу в России и за рубежом предложены вниманию читателей ранее.

1.2. Незаветвленность судебных решений.

Незаветвленность судебных решений. В сегодняшнем уголовном законодательстве, при относительно широком перечне видов наказаний (ст.

44 УК)⁴, их применяемость поражает полным отсутствием воображения у судей.

При этом причиной нашего недоумения является именно то, что в УК изначально заложены почти все возможные варианты решения уголовного дела, именно для реализации принципов справедливости (ст. 6 УК) и гуманизма (ст. 7 УК). Прочитав статью 7 УК, содержащую две стороны гуманизма: обеспечение безопасности членов общества от преступных посягательств и обеспечение прав лицу, совершившему преступление:

“1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека.

2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства”.

Стоит ли обсуждать, насколько сегодняшнее государство и система правосудия в сочетании с правоохранительной системой и системой исполнения наказаний выполняют две вышеуказанные позиции принципа гуманизма. Очевидно, - ни в коей мере.

Отсюда вполне органично вытекают, по крайней мере, три вывода:

1) Необходима формальная специализация суда по вопросам, относящимся к несовершеннолетним - создание ювенального судопроизводства:

2) Ювенальное судопроизводство, как государственный институт, должно быть дополнено социализирующими инструментами и механизмами - государственными и негосударственными социальными институтами: адвокаты, социальные работники широкой сферы деятельности, специалисты психологи и многие другие;

3) Традиционные подходы к разрешению дела приводят либо к:

а) условному осуждению несовершеннолетнего или к прекращению дела по тем или иным причинам (статьи 6-10 УПК РСФСР), либо

б) к осуждению реальному.

В первом случае несовершеннолетний правонарушитель отделяется легким испугом и последствиями, для него даже непонятными.

Во втором он получает “по полной программе” все прелести уголовного мира, и, как правило - уголовное “клеймение”, привычки, которые формируют характер и, по одному из наших классиков, последний и составляет судьбу подростка.

Не нужно быть семи пядей во лбу для того, чтобы понять, насколько бессмысленна такая альтернатива. Как можно даже сравнивать эти две меры наказания!? Первое - почти ничему не учит, второе - дает практически судьбоносный урок. Судебные решения, принимаемые после стандартных, сказанных скороговоркой, бездушных словесных процессуальных конструкций, либо играют роль последних новостей, переданных по радио, либо ломают судьбу несовершеннолетнего.

Следовательно, естественный вывод - необходимо существеннейшим образом расширить перечень практикуемых мер воспитательного и восстановительного воздействия.

Третий вывод является, на первый взгляд, не самым очевидным. Однако, переходя, наконец-то, к главной теме настоящей статьи, следует ска-

⁴ Собрание Законодательства Российской Федерации, 1996, №25, ст.2954, 2955.

зять, что небольшой экскурс по статьям различных, и прежде всего, зарубежных специалистов в области восстановительного правосудия, позволяет сделать именно такой вывод.

1.3. Инерционность судебного процесса.

При сегодняшних принципах, которыми руководствуется уголовно-процессуальное право, судья при рассмотрении дела, за редким исключением, не вправе избрать не традиционные формы наказания, а какой-нибудь особенный способ ресоциализации правонарушителя.

В том, что способов ресоциализации может быть множество, убеждают некоторые именно зарубежные примеры.

Одним из канадских судов было рассмотрено дело молодого человека, задержанного за телефонное хулиганство: он звонил в пожарную службу и сообщал ложную информацию о пожаре. В отношении этого несовершеннолетнего было принято следующее решение: он должен был в течение 3-х недель чистить обувь тем самым пожарным, которых он напрасно поднимал по тревоге.

Ежедневная, пусть и незначительная работа, с одной стороны, и картина того, как профессионалы изо дня в день выполняют свой нелегкий труд, с другой, пожалуй, произведут на подростка большее впечатление, чем вечерний нагоняй от родителей, выплативших штраф за своего оболтуса.

Другой пример связан с достаточно серьезным правонарушением, допущенным подростком, употреблявшим наркотики. Такие дела рассматриваются достаточно часто французскими и американскими ювенальными судами. Решением суда несовершеннолетний был приговорен... к трехмесячному горному походу вместе с целой группой туристов.

Несомненно, что такое достаточно длительное отвлечение парня от привычного ему окружения способно реально показать совершенно иной мир, полный невероятного красочного богатства и многообразия и, главное, - свободного от наркотиков.

Подобные примеры можно продолжать долго. Важен вывод. Принципиальная возможность принятия судьей такого решения (пункт 2 перечня недостатков), изменив, по сути плавное, но неизбежное течение судебного процесса (пункт 3 того же перечня), способна решить проблему успешнее, чем сегодня решает наша правоприменительная система. Множественность и разветвленность возможных методологических подходов позволяет судье, как активному субъекту правоприменения, и суду, как государственному институту, на мой взгляд, глубже проникнуть в суть конфликтов (межличностных и конфликтов между, например, физическим лицом и нормами закона).

1.4. Незначительность участия общества.

Одним из самых тяжелых наследственных “родимых пятен” социализма смело можно назвать возвращенное в нас иждивенчество. В течение семидесяти с небольшим лет народам, проживавшим на огромной территории СССР, внушали, что они живут в народном государстве, которое полностью гарантирует своим гражданам заботу о них. Насколько убогой была наша социальная политика свидетельствуют голодные бунты и тотальный продуктовый и товарный дефицит. Но хуже этого было и остается другое:

само государство, в лице высших государственных персон и чиновников, до сих пор считает, что государство все и *должно* делать для осуществления социальной политики. При этом народ и его институты - это объекты государственного воздействия, а не субъекты партнерства. Как следствие - гражданские инициативы государство разве что не давит на корню. О какой-либо поддержке этих инициатив речи идти не может. Отсюда и участие общественности иначе как незначительным назвать и нельзя. Следовательно, для того, чтобы рассчитывать на снижение остроты проблем подрастающего поколения, необходимо максимальное и конструктивное содействие со стороны государства самим гражданам в реализации их инициатив.

В этом смысле более активное участие граждан в разрешении конфликтов внутри самого сообщества - задача, которая должна быть поставлена перед этим самым местным сообществом.

Есть еще один аспект этого недостатка - национализация частных конфликтов.⁵ Я не готов во всем и безоговорочно согласиться с автором этой работы, однако рациональное и разумное зерно в его рассуждениях, безусловно, присутствует. И яркий пример, когда адвокат уберег военного преступника от справедливого возмездия, указав суду на тупость и бесталанность своего подзащитного, подтверждает очевидность различия ролей подсудимого (ответчика) и его адвоката. Подсудимый, как правило, не в силах изобразить из себя ничтожество. А адвоката, в конечном итоге, не очень интересует конечная справедливость, поскольку его роль заключается в наилучшем исходе для клиента. Обвинитель, напротив, заинтересован в возмездии. Судья руководствуется правом и своим собственным, субъективным пониманием справедливости решения. При этом почти никого не интересуют проблемы жертвы и преступника. И, как ни парадоксально - почти не учитываются объективные интересы общества в целом. Подробнее об этом будет сказано ниже.

1.5. Незрелость социальной профессиональной инфраструктуры.

Даже если бы мы сегодня попытались бросить как можно большие силы на решение проблем детства, у нас почти ничего не получилось бы. Причина одна: катастрофический дефицит профессиональных кадров. И просвета для ликвидации этого дефицита не видно. Обратимся к аргументации более общего характера.

Диспропорция в структуре рынка труда, в силу практического отсутствия реформирования оно, почти не изменилась. Во всем цивилизованном мире количество рабочих мест в сфере услуг соотносится с количеством рабочих мест в промышленности приблизительно как **3:2**. У нас же пропорция до сих пор обратная. Целенаправленная и концептуально осмысленная государственная политика в этой области сегодня по существу отсутствует. Процесс создания и внедрения новых социально необходимых профессий, а также формирование полномасштабной государственной системы непрерывной подготовки и переподготовки кадров до сих пор непоколебимо затягивается.

⁵ Подробнее об этом: Н.Кристи. Конфликты как собственность. Базовая лекция Центра Криминологических Исследований, Университет г. Шеффилда, прочитана 31 марта 1976 г.

Следствием этого и является слабое использование гуманитарных, социально-психологических, педагогических и иных аспектов воздействия на ребенка и взаимодействия с ним.

До настоящего времени мы (я имею в виду, прежде всего, государство) воспринимаем несовершеннолетнего как объект воздействия. Такой же объект, как и все остальное взрослое население России. Даже еще более беспомощный. Тем самым практически исключается развивающая функция взаимодействия ребенка (несовершеннолетнего) и общества. При этом мы забываем, насколько способность к развитию и восприятию всего нового у ребенка выше, чем у взрослого.

Таким образом, невероятный вакуум социальных профессий, таких как, скажем, социальные работники для ресоциализации подростков при принятии решений, альтернативных уголовно-исправительным, порождает реальную неспособность государства быстро реагировать на острую проблему (например, резкий всплеск наркомании и, следовательно, связанной с этим преступности среди несовершеннолетних).

1.6. Недостаточность усилий власти для исправления ситуации.

Поскольку правосудие сегодня - прерогатива государства, именно государство и должно предпринимать основные усилия для его реформирования.

Усилия нынешней власти должны, на наш взгляд, иметь несколько обязательных компонентов:

- *Осмысленность;*
- *Конструктивность;*
- *Разумная направленность*
- *Глубина;*
- *Системность;*
- *Способность к адекватной самооценке и обеспечению независимой оценки собственной деятельности.*

Резкий рост преступности среди несовершеннолетних диктует потребность в быстром реформировании системы правосудия для несовершеннолетних, имея в виду, прежде всего, защиту прав детства от его же, то есть детства, криминализации (разумеется, если только такая криминализация не является целью государственной политики).

Качество, с каким нынешняя власть справляется ростом преступности среди несовершеннолетних, можно весьма наглядно продемонстрировать на некоторых примерах. Небольшой анализ этих примеров необходим именно исходя из того, что государство воспринимает правосудие по делам несовершеннолетних как важнейший инструмент защиты прав ребенка.

Для того, чтобы несколько ярче и детальнее охарактеризовать первые пять компонентов из предложенного перечня необходимых усилий власти, приведем несколько выдержек из базовых нормативных правовых актов Государственной Думы, Президента и Правительства, относящихся к вопросам защиты прав ребенка.

Итак:

1) Федеральный Закон РФ “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”.⁶

а) Абзац 6 части 2 статьи 4 Закона говорит, в том числе, о государственной поддержке общественных объединений, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребенка. До настоящего момента, равно как и во все предыдущие времена, такая поддержка остается пустой декларацией, никак не проявляющейся.

б) Из части 4 статьи 7 следует, что *“Общественные объединения (организации) и иные некоммерческие организации могут осуществлять деятельность по подготовке ребенка к реализации им своих прав и исполнению обязанностей. Такие объединения (организации) имеют право по заявлению ребенка получать от уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации методическую помощь, в том числе на конкурсной основе (выделено автором статьи - Н.Х.), иную помощь в объеме и в порядке, которые установлены соответствующей федеральной или региональной программой.”*

Совершенно неясно, почему методическая помощь должна оказываться на конкурсной основе?! Судя по вторичным признакам, что в этом месте закона изначально предполагалась мысль о возможности помощи финансовой (повторю текст - общественным и иным некоммерческим организациям), которая затем была с негодованием вычеркнута за избыточную смелость. Более разумного объяснения нелепой фразе о методической помощи на конкурсной основе придумать невозможно!

в) Часть 3 статьи 8 отмечает что дети, находящиеся в том или ином учебно-воспитательном учреждении или учреждениях здравоохранения, социального обслуживания *“имеют право на периодическую оценку соответствия предоставляемых им услуг государственным минимальным социальным стандартам основных показателей качества жизни детей. Данная оценка проводится уполномоченным органом исполнительной власти, органом местного самоуправления на основании обращения детей (выделено автором статьи - Н.Х.) и (или) их законных представителей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.”*

Данная цитата нуждается в особом комментарии:

- каковы механизмы обращения детей с подобными просьбами. Мало того, что они не информированы о таких способах, так еще и жаловаться им разрешают только в порядке, установленном российским законодательством;
- обратим внимание читателя и на то, что оценка проводится органами власти (местного самоуправления), следовательно, это оценка внутренняя, а не независимая. Значит, обращаться туда, *a priori*, практически бесполезно;
- а что делать ребенку, если его родители и (или) законные представители сами нарушают его права? При этом он даже и не знаком со своими правами.

г) Часть 2 статьи 15 Закона содержит описание того, чем будут заниматься специальные государственные социальные службы, которые по поручению органов власти занимаются практической реабилитационной ра-

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, №31, ст.3802.

ботой в целях защиты прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Однако и здесь неясно, откуда в нынешнем убогом бюджете возьмутся средства на создание системы социальных служб, когда не хватает средств на выплату нынешней зарплаты. О том, чтобы попытаться найти такие службы среди действующих общественных организаций - речи нет. И этот чиновничий, бюрократический подход опять обернется созданием массы новых государственных структур, которые браво начнут осваивать бюджетные средства. В этом смысле показательным является следующий пример.

Проектом московского бюджета на 1999 год предусмотрено усиление работы с детьми и подростками по месту жительства. Так вот, вместо того, чтобы объявить в городской прессе и по телевидению о поддержке общественных программ, направленных на досуговую и воспитательную работу на территории города Москвы, Правительство города закладывает на содержание 125 муниципальных учреждений (подавляющее большинство их еще и не создано) 17,5 миллионов рублей (или по 140 тыс. рублей на одно предприятие). И, можете не сомневаться, эти муниципальные учреждения будут созданы, и деньги освоят. Только вот, проблема останется. Вот вам реальный пример *бюрократического* подхода к решению проблемы!

Очевидно, что денег на такого масштаба работу, при, разумеется, использовании старых механизмов, нет и еще долго не будет.

И, наконец, ещё два более общих замечания, которые необходимо сделать на основании конкретных цитат из текста.

д) Абзац 2 части и часть 3 статьи 17 Закона гласят:

“...Органы местного самоуправления могут заключать договоры с юридическими и физическими лицами об оказании услуг по социальному обслуживанию детей, в том числе детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

3. Финансирование указанных в настоящей статье мероприятий осуществляется в порядке, установленном нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления.”

Забавно, но из поля зрения федерального законодательного органа выпало то, что налогообложение негосударственных организаций заметно отличается от налогообложения государственных учреждений, причем в пользу последних. И в отношении налогов, направляемых в федеральный бюджет. Так, например, налог на добавленную стоимость (НДС), составляющий львиную долю налогов, регулируется на федеральном уровне, и вопрос о нем не подвластен местным органам.

Очевидно, что, согласно ныне действующей системе налогообложения, юридические и физические лица, берущиеся за оказание таких услуг, неизбежно и заведомо оказываются в неравноправных налоговых условиях по сравнению с государственными структурами, осуществляющими такого рода деятельность. Так что часть 3 указанной статьи выглядит не иначе, как издевкой над желающими работать в социальной сфере. Тем самым, самим государством закладывается тенденция к “саморазбуханию”, эффект которого сегодня мы (впрочем, как и многие поколения россиян) и можем наблюдать.

Здесь можно посоветовать один вполне реальный выход (в неявной форме он, кстати, содержится именно в этом Законе). Так, абзац 2 части 2 статьи 19 Закона гласит:

“Социальные службы независимо от организационно-правовых форм и форм собственности в случае размещения государственного заказа на оказание услуг для детей при реализации государственного заказа руководствуются социальными (выделено автором статьи - Н.Х.) нормативами и нормами, предусмотренными законодательством Российской Федерации для соответствующих государственных учреждений и организаций.”

Отличная формула! В ней осталось только заменить термин *социальными* на другой - *налоговыми*. И - государство получит вполне здоровую конкурентную базу для реальной помощи детям.

е) Достаточно серьезное, на мой взгляд, системное замечание: статьи 19 (“Государственный заказ на производство товаров и оказание услуг для детей”) и 20 (“Целевые программы защиты прав и законных интересов детей, поддержки детства”) Закона - автор в этом не сомневается - перепутаны местами*. Поскольку прежде, чем выдавать той или иной организации государственный заказ, государство, в лице уполномоченных органов, обязано разработать и утвердить в порядке, установленном законодательством, соответствующие целевые социальные программы. В этом, собственно, и должен содержаться смысл государственного заказа - в программно-целевом, а не отраслевом подходе к решению тех или иных проблем. Иначе мы так и будем из года в год плодить и плодить чиновников и их зарплаты.

2) Президентская программа **“Дети России”**⁷. Существующий в этой программе раздел: **“Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”** на сегодняшний день содержит, по нашему мнению, недопустимо слабые полумеры:

В течение трех (!) лет - с 1998 по 2000 годы по разделу

I. “Совершенствование нормативно-правовой базы” предполагается разработка трех нормативно-правовых актов:

а) *“о трудовой занятости несовершеннолетних, направленных (???) так в тексте - выделено автором статьи - Н.Х.) на развитие учебных цехов, мастерских, летних трудовых лагерей, а также других форм профессиональной ориентации и профессиональной подготовки”;*

(Непонятно, что это по-русски значит: трудовая занятость несовершеннолетних, направленных на развитие учебных цехов и т.д?)

б) *“о порядке трудового и бытового устройства несовершеннолетних, выпущенных из детских домов, школ-интернатов, социальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, воспитательных колоний”;*

в) *издание сборника законодательных и нормативных документов по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав.*

* Автор работы является одним из инициаторов и создателей проекта федерального закона “О государственном социальном заказе”, московского и некоторых других его региональных аналогов и работает над этой тематикой уже более 5 лет.

⁷ Собрание Законодательства Российской Федерации, 1997, № 41, ст.4705.

То есть, это означает, что, непосредственно улучшений в принципах судебной защиты прав детства и создании новых специализированных судебных институтов, как этого предусматривает *статья 40.3 Конвенции о Правах Ребенка* и *п.2.3 Пекинских правил*, не предусмотрено.

3) *Постановление Правительства РФ “О мерах Правительства Российской Федерации и Центрального Банка Российской Федерации по стабилизации социально-экономического положения в стране”*.⁸ “п.19. Разработать и реализовать меры по проблеме детской беспризорности – февраль”.

Вот и все! Как просто! К февралю 1999 года не только разработаем меры, но и реализуем их. То есть – решим проблему!!? Каково, а?

Из приведенных примеров становится ясно, что если три первых (из шести) компонента в той или иной степени учтены, то речи о глубине и системности в действиях Президента и Правительства просто нет. Государственная Дума также, как мы уже увидели, трудится недостаточно системно и осмысленно. Проанализированный выше закон грешит чрезмерной декларативностью и отсутствием достаточно внятно изложенных технологических решений краеугольного вопроса, которому, собственно, он и был посвящен - защите прав ребенка. Кроме того неясно, каким образом возможны системные действия государства в области защиты этих прав при отсутствии особых, ориентированных **исключительно** на ребенка, механизмов правосудия. Если читатель не понял, о чем речь, так это опять про ювенальную юстицию.

Шестой компонент (оценка и самооценка), на мой взгляд, является вообще вопросом отдельным, чрезвычайно важным и касающимся практически любой сферы деятельности и государства, и отдельно взятого человека. Поэтому, мы еще не раз вернемся к нему в нашей работе.

Крики о гибели нации без предложения конкретных социально-правовых технологий совершенно бессмысленны и отдают типичным кликушеством. Поэтому, проанализировав все вышеперечисленные документы, можно сделать один, безусловно, системный вывод

о невозможности при нынешних усилиях в сегодняшней России реальных улучшений в области защиты прав ребенка.

Поскольку в этом смысле Россия находится даже не в середнячках, а, скорее, - на задворках передовой общественно-правовой мысли, хотелось бы, в поисках возможных путей развития нашего, взрослого отношения к “несовершеннолетнему” миру, опираться на последние разработки. Мир этих ребят, который буквально через несколько лет ворвется к нам с вами, есть опасения, способен будет неприятно поразить нас. И - уже поражает. Достаточно вспомнить внешне благополучных ребят, нашедших для себя опору в дисциплине и маршах РНЕ (Русского национального единства). И крики о том, что Россию уберезит от фашизма наша история и исключи-

⁸ Собрание Законодательства Российской Федерации, 1998, №52, ст.6411.

тельность - не более, чем пустое кликушество. Германии ни история, ни исключительность, ни просвещенность не помогли...

Следует отметить наличие исходного текста законопроекта “О ювенальной юстиции в Российской Федерации”, опубликованного в 1996 году⁹. Единственным и наиболее существенным недостатком этого законопроекта (как, впрочем, и концепции, его предваряющей) является закрепленная в нем обособленность процедурно-правовых конструкций и инструментов от необходимых и даже жизненно важных для ребенка социализирующих институтов и механизмов.

В поисках более позитивных выводов и конструктивных решений обратимся к отдельным аспектам мирового опыта.

ГЛАВА II. А - У НИХ?

Институт ювенальной юстиции, возникший в США ровно 100 лет назад, в значительном числе стран Запада введен и успешно существует достаточно давно и за многие годы своего действия доказал не только свою жизнеспособность, но и безусловную необходимость и востребованность. Кстати, российская ювенальная юстиция просуществовала, таки, до 1918 года и признавалась весьма прогрессивной.

На сегодняшний день наиболее современными считаются системы ювенальной юстиции во Франции и в Канаде. Кстати, во Франции закон о ювенальной юстиции был принят в феврале 1945 года, еще во время II Мировой войны. Французские власти осознали, что нормальное развитие подрастающего поколения не менее важно, чем восстановление страны, а может быть и неотъемлемый его элемент.

Настоящая работа, тем не менее, в большей степени будет обращена к опыту не только французскому или канадскому.

2.1 Информация о новозеландской системе внесудебного примирения (т.н. семейные конференции)¹⁰, как, впрочем, и все другие зарубежные материалы, интересуют нас, прежде всего, с позиций возможного приложения чужого опыта к нашим условиям. Мы ведь до сих пор считаем, что Россия абсолютно исключительная человеческая общность (интересно, какой другой народ уверен в своей никчемности, серости и стандартности), и ничей опыт нам не указ.

Основываясь на этом умозаключении, многие политики делают вывод о том, что у нас все особенное (т.е. - “не как у людей”) и что общепринятые нормы и законы экономики, политики, права и тому подобного у нас не могут действовать стандартно. Не являясь в чистом виде сторонником технократического подхода, автор настоящей работы, тем не менее, уверен, что основную роль при решении проблем в демократическом обществе играют

⁹ Э.Мельникова, Г.Ветрова. “Российская модель ювенальной юстиции”, “Закон о ювенальной юстиции в Российской Федерации” (проект). М: Ж-л “Правозащитник”, 1996, №1,2.

¹⁰ МакЭлри. Новозеландская модель семейных конференций. Доклад на международном симпозиуме в г.Кингстон, Канада, 15-18 марта 1998. Перевод материала - в архиве Центра “Судебно-правовая реформа”.

соответствующие и постоянно развивающиеся технологии (в том числе и не в последнюю очередь - социальные и правовые).

Демократия - это не общество цивилизованных и законопослушных людей.

Демократия - это общество, в котором созданы механизмы, институты и инструменты, *вынуждающие* людей быть цивилизованными и законопослушными.

Уверен, что семейные конференции, как способ (технология) внесудебного разрешения конфликтов, применимы в сегодняшней России. В этом смысле нельзя согласиться (в отличие от общего смыслового содержания статьи) с позицией, высказанной коллегами из Красноярска А.Глисковым и М.Садовским, относительно безвозвратного забвения общинных традиций в России.¹¹ И внедрять подходы, связанные с применением “семейных конференций” уже в самом скором времени можно там, где существуют достаточно компактные и немногочисленные общности граждан, а именно: в небольших городах и в сельской местности. Место, в котором многие проживающие достаточно хорошо знакомы друг с другом, безусловно, подходит для того, чтобы пытаться найти разрешение возникающих в молодёжной среде конфликтов с помощью общины. Создавать такие механизмы тем более важно, что эти процессы могли бы сопровождаться почти одновременным практическим внедрением в России института мировых судей. Таким образом, семейные конференции изначально могут стать одним из используемых мировым судьей инструментов разрешения значительной части конфликтов.

Во всяком случае, именно родовые обычаи маори, коренного населения Новой Зеландии, позволили примерно на десятилетие более чем вдвое снизить уровень преступности среди несовершеннолетних.

Динамика преступности дает возможность судить и о том (по крайней мере, для данной страны), насколько правы сторонники первичности деликта перед договором. Из этого вытекает и следующий обязательный принцип благополучного развития общества - ***необходимость перманентно-дискретного подхода к проблемам реформирования.***

Раскрою смысл сказанного, поскольку считаю это утверждение более общим и широким, чем тема настоящей статьи.

Процесс реформирования должен быть непрерывным, как непрерывно развивается и человек. Как только прекращается развитие - начинается упадок и деградация. Остановка в развитии необходима лишь затем, чтобы оценить, насколько правильно идет развитие и сделать, при необходимости, надлежащую корректировку.

¹¹ А.Глисков, М.Садовский. По поводу публикации проекта Закона о ювенальной юстиции в Российской Федерации. М: Ж-л “Правозащитник”, 1997, №1, стр.38-42.

Ещё одно позитивное замечание общетехнологического характера. Несмотря на очевидный положительный эффект от таких семейных конференций, правительство Новой Зеландии выделяет дополнительные и достаточно солидные средства для *специального* и *более детального системного* изучения вышеназванных социально-технологических решений.

Это уже к вопросу о способности к оценке и самооценке.

2.2 Кабинетное правосудие.¹² Ссылаясь на одного из специалистов особого “неформального правового ритуала”, Н.Хамфрис развивает этот ритуал:

“Ле Рой связывает устный и неформальный правовой ритуал с возможностью встретиться лицом к лицу и вести переговоры, ведущие к согласию или к тому, что он называет “социальным перемием”. Выделяя эту функцию ритуала, он определяет три стадии, ведущие к разрешению конфликтов. В очень упрощенном виде эти стадии следующие:

1. *“Теория” - представление фактов обеими сторонами конфликта.*
2. *“Кризис” - конфронтация сторон.*
3. *“Катарсис” - выработка решения на базе достигнутого согласия.*

На основании наблюдаемых нами 80 дел мы можем подтвердить повторяемость этих трех стадий, приводящих, в случае кабинетного правосудия, к разрешению семейных конфликтов. Мы, однако, добавим четвертую стадию, которая, как мы увидим, является отличительной чертой кабинетного правосудия - это составление и отработка воспитательного плана с течением времени.

Четыре стадии кабинетного правосудия могут быть коротко изложены следующим образом:

1. *Изложение фактов, судья отдельно выслушивает обе стороны.*
2. *Приостановление действия законных правил, для того, чтобы подросток встретился и договорился со своей семьей.*
3. *Поиск компромисса между обязанностями родителей и потребностью подростка в независимости.*
4. *Составление неформального контракта с судьей в отношении судебного вмешательства и корректировка контракта с течением времени.”*

Приведенный целиком, этот значительный отрывок текста позволит читателю понять и, может быть, разделить с автором статьи убеждение в том, чего именно не хватает в предложенной нам технологии “кабинетного” разрешения конфликта при помощи судьи?

Именно того, что значится в качестве шестого компонента в разделе **1.6** настоящей работы:

Обязательность самооценки своей работы и независимой сторонней (внешней) оценки.

¹² Н.Хамфрис. Воспитательный аспект кабинетного правосудия во Франции. Перевод статьи - в архиве Центра “Судебно-правовая реформа”.

Внесение в качестве пятой стадии кабинетного правосудия позиции, связанной с подведением итогов, констатацией результата, анализом и обобщением опыта, выводами, извлекаемыми уроками и выдаваемыми рекомендациями, т.е. того, что можно было бы условно или обобщенно назвать *анализом* (после *теории, кризиса и катарсиса*) способно, помимо непосредственного разрешения конфликта и восстановительного аспекта, содержать и необходимый оценочный элемент, важный для адекватности построения всего процесса (и, прежде всего - будущих действий) реальным потребностям.

Собственно, именно такой подход позволяет реализовывать милую сердцу автора теорию “малых дел”.

2.3 Восстановительное правосудие рассматривается Г. Бэйзмором как предпочтительная парадигма ювенальной юстиции.¹³ Соглашаясь с таким подходом, следует отметить термин, используемый им для определения повышенного участия граждан и их сообществ в осуществлении правосудия - **коммьюнитаризм**. Термин этот весьма близок к тому, что нами более привычно воспринимается как **гражданское общество**. Или наше представление о нем. Понятие, ориентированное, прежде всего, именно на рост участия и, как следствие, - ответственности всего сообщества за свое развитие и безопасность¹⁴. Есть, правда, и некоторое отличие. Оно обусловлено именно тем фактом, что гражданское общество - совокупность всех гражданских институтов, в то время как коммьюнитаризм, скорее - гармония внутри некоего, относительно небольшого и компактно проживающего, сообщества.

Анализируя вышеупомянутую статью, необходимо отметить еще несколько важных, на мой взгляд, моментов:

а) Начнем с цитаты из той же работы Г. Бейзмора:

“Различие между парадигмами кроется, в первую очередь, в ответах на четыре основных вопроса, затрагивающих содержание и контекст:

- *в чем сущность преступления, и что в отношении него должно быть сделано?*
- *кому должна служить система правосудия, и как его участники должны вовлекаться в процесс правосудия?*
- *как система правосудия должна реагировать на нужды ее участников и отражать общие ожидания общества?*
- *какую роль должны играть профессионалы системы правосудия в выполнении этих функций, дополняя роли граждан, жертв и преступников?”*

Остановимся на небольшом замечании к четвертому вопросу.

Следует отметить очень симпатичную мысль г-на Бейзмора, высказанная в самом конце статьи, о том, что профессионалы системы ювенального правосудия должны встать во главе процесса вовлечения общества в устранение ущерба, чинимого преступностью, привлекая граждан непосредственно к решению проблемы преступности среди несовершеннолетних, а также проблемы виктимизации - во имя воссоздания чувства общинности.

¹³ Г.Бейзмор. Три парадигмы ювенальной юстиции.

¹⁴ Более подробно на эту тему: Н.Хананашвили, О.Зыков, В.Якимец, И.Доненко. Социальная реформа: путь к гражданскому обществу. М., Российский благотворительный фонд “Нет алкоголизму и наркомании” (НАН), 1997, 90 стр.

Однако, выражаясь термином, который достаточно часто использует в своих работах Х.Зер¹⁵, сменив линзы (или поменяв позицию для обзора, взглянув на проблему под иным углом зрения), мы обнаружим другой вывод, более скрытый.

Прежде, чем его назвать, отметим еще одну любопытную статью, прочтение которой и привело к этому парадоксальному, на первый взгляд, выводу. Это статья (лекция) г-на Нильса Кристи “Конфликты как собственность”¹⁶. Она впрямую ставит вопрос об избыточности влияния профессионалов на сегодняшний процесс правосудия.

Так вот, исходя из этих двух базисных посылок, автор настоящей работы готов сделать один отвлеченный вывод, из которого, тем не менее, могут последовать в будущем вполне конкретные действия. Вывод таков:

Неплохое в России образование!

Специализация образования на Западе привела к таким образовательным искривлениям, что тончайший специалист в той или иной области человеческого познания во многих других вопросах и элементах повседневной жизни оказывается абсолютным профаном, слепым и неприспособленным. Не говоря уж о его невообразимой бытовой скучности.

Россия всегда славилась именно специалистами “широкого профиля”. Это, наверное, можно было бы назвать недостатком, если бы мы с абсолютной точностью знали, чем в жизни придется заниматься. Столь высокая степень регламентации жизни общества неизбежно приводит к еще большей индивидуализации личности и, следовательно, к все большей удаленности от той самой общинности (по мысли обоих авторов - первооснове гражданского общества), к которой хотелось бы вернуться.

Этот неожиданный вывод, кстати, можно было бы дополнить вполне конкретными рекомендациями российской педагогической науке - о том, в каком направлении ей можно было бы (или следовало бы) развиваться. Рекомендации эти сравнительно очевидны и находятся, в основном, в области гуманитарных наук: юриспруденция, социология, психология и некоторых других. Подробнее об этом, однако, как-нибудь в другой раз.

б) второе замечание к статье Г.Бейзмора.

Говоря о восстановительном правосудии, автор, в качестве обязательных его процессов называет три группы субъектов восстановления:

- **жертв;**
- **преступников;**
- **общества.**

Поскольку первые две группы, как правило, вызывают больший интерес и разрабатываются подробнее, обратим несколько более пристальное внимание к группе третьей. В этой троице именно она, на мой взгляд, недостаточно или, точнее, рассматривается несколько зауженно.

¹⁵ Х.Зер. Восстановительное правосудие. Новый взгляд на преступление и наказание. М: МОО “Судебно-правовая реформа”, 1998. 350 стр.

¹⁶ Н.Кристи. Конфликты как собственность. Базовая лекция Центра Криминологических Исследований, Университет г. Шеффилда, прочитана 31 марта 1976 г.

Собственно говоря, именно философия *государства-как-родитель* (*parens patriae*) мешает самому обществу восстановиться. И это касается не только ювенальной, но и взрослой юстиции.

Спустимся на минуту с государственных и научных высот на уровень семьи. Рассматривая способы решения внутрисемейных проблем, мы без труда увидим, что только примирение и, как его результат, взаимное уважение в семье являются реальной альтернативой непрерываемому отцовскому диктату. Именно поэтому, патология авторитаризма в семейных взаимоотношениях становится генетически устойчивой.

Следовательно, система государство-граждане также должна строиться на принципах социального партнерства, при котором не должно быть ни государственного патернализма, ни социального, ни, тем более, государственного иждивенчества.

Наиболее тяжелым наследием советских времен являются именно эти типические “родимые пятна”. Не вдаваясь в подробности, кратко охарактеризуем их по порядку перечисления.

а) Устойчивая уверенность каждого отдельного чиновника, что именно он управляет государством, подкрепляется бравыми действиями всех, без исключения, правительств последнего десятилетия.

б) Граждане, возвращенные в “уверенности в завтрашнем дне”, в своём большинстве всё ещё ждут, когда придет добрый дядя (неважно, Тимурович, Степанович, Владиленович, Максимович или просто Сэм) и все за нас сделает или просто денег даст.

в) Как ни парадоксально, но у государства нашего также очень живучим остается иждивенческая позиция. Достаточно вспомнить, как часто оно к нам с вами обращается с просьбой “скинуться по кругу” на “бедность” или на очередной завиральный суперпроект или суперидею, просто бессовестно обманывает (неважно, вкладчиков или избирателей) или просто просит не стрелять в Правительство, которое, как пианист, “играет как умеет”.

Таким образом, пусть в контексте настоящей статьи это и будет звучать несколько необычно, считаю необходимым отметить, что именно

а) преодоление социального и государственного иждивенчества

и

б) поддержка государством гражданской инициативы

(а не всяческое и всемерное задавливание ее) может стать сегодня той самой пресловутой ***российской национальной идеей***.

III. И, ВСЕ-ТАКИ, КАК ДЕЛАТЬ?

3.1 Открыв собственный “велосипед”, мы (имеется в виду общественная организация, в которой автор настоящей статьи работает около восьми

лет - Российский благотворительный фонд “Нет алкоголизму и наркомании” (Фонд НАН)) не так давно для себя определили, что суд, при решении дел, опирается на некоторое, вполне конкретно описываемое, смысловое пространство. Отсюда, необходимо описать:

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

1. Ребенок в опасности.
2. Ребенок-жертва (объект осуждения - среда, социальные и другие обстоятельства).
3. Ребенок-правонарушитель (преступник).

Российская система правосудия, при том, что в ней присутствует лишь зачаточное понятие о необходимости восстановления (элементы работы с правонарушителем в исправительно-трудовых учреждениях) ориентирована, как правило, именно на *наказание* правонарушителя (преступника).

Как уже было сказано ранее, жертва (а именно так следует называть персону, подвергшуюся насилию¹⁷) практически не интересует правосудие. Российское уголовно-процессуальное право оперирует понятием “потерпевший” (ст. 52 Конституции РФ). При этом ст. 53 УПК РФ устанавливает, что потерпевшим лицо признается только по постановлению лица, производившего дознание, следователя или судьи, либо по определению суда. Кроме того, *жертвой* человек становится не тогда, когда заведено уголовное дело (еще нужно добиться его возбуждения), а в момент совершения насилия. Таким образом, возникает достаточно очевидное расхождение в смысловом содержании понятий “*потерпевший*” и “*жертва*”. Эта разница и определяет, в конечном счете, отношение государства и послушного ему общества к проблемам правосудия. Уделяя в уголовном процессе мизерную долю внимания жертве, правосудие не устанавливает правовые нормы, необходимые для социо-психологического восстановления пострадавшего.

Сама по себе значимость восстановления для общества столь же велика, как и для отдельного гражданина (жертвы или преступника). Однако, критерии такого восстановления определить непросто. Наряду с этим, количество критериев достаточно велико и сами они могут быть маловесны, вследствие чего формирование простой модели такого восстановления крайне затруднено.

3.2 Следует сказать также несколько слов и о технологии внесудебного примирения¹⁸. Являясь крайне нужным компонентом достижения реальной справедливости (читай: правосудия), эта технология хороша возможностью “смягчающей” альтернативы для преступника, прежде всего, потому что достижение соглашения в рамках процедуры примирения - результат и его воли (“*Договор - есть продукт непротивления сторон!*”), в то время как судебный вердикт - тайна, по крайней мере в нормальном судебном процессе.

¹⁷ Подробнее об этом: А.Парий. Защита прав жертвы преступления в российском уголовном процессе. М: Ж-л “Правозащитник”, №1, 1997, стр.43-49.

¹⁸ Марти Е. Прайс The Oregon Defence Attorney, октябрь/ноябрь, 1992, ADR Report, 29 окт. 1997.

Однако, хотелось бы возразить против недостаточного внимания со стороны поклонников программ примирения *VORP (Victim Offender Reconciliation Program)* к вопросам статистики рецидивизма среди преступников, прошедших эти процедуры¹⁹. Статистика, в данном случае, важна как неотъемлемый элемент воздействия на общественное мнение на судебные органы и на власть предрешающих. Если говорить о технологии внедрения такого механизма в российскую правоприменительную практику, то пренебрегать подобными исследованиями и их результатами не стоит. Необходимо, правда, отметить, что нынешний УК предусматривает крайне узкую “полоску” **применимости** механизмов примирения. В данном случае речь идет, разумеется, о потенциальной возможности, а не о предусмотренности самих технологически грамотно построенных процедур в нормах закона.

Надо сказать, что такое примирение применяется, в основном, по не тяжким преступлениям, составляющим, так называемые, дела частного обвинения, предусматривающим уголовные санкции, не превышающие 2-х лет лишения свободы, например: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст.113), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст.119), оставление в опасности (ст.125), понуждение к действиям сексуального характера (ст.133), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст.137), уничтожение или повреждение имущества (ч.1 ст.167 и ст.168), а также некоторые другие²⁰. Сам факт возникновения таких норм в российском уголовном праве можно поприветствовать. Однако следует помнить, что статей, образующих при судебном рассмотрении дела частного и частно-публичного обвинения, примерно на порядок больше, чем тот неполный десяток, что был назван выше.

Вернемся, однако, к группам, нуждающимся в восстановлении.

3.3 Для того, чтобы обеспечить вышеназванные восстановительные процессы для жертвы, преступника и общества, судебное решение должно содержать определенные и значительно строже, по сравнению с сегодняшним уровнем, отмеренные, технологически реализуемые функции. Важным следует признать для судебного решения и баланс профессиональных и общественных, саморегулирующих подходов.

ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

1. Разрешение дела:

а) восстановление справедливости;

б) меры воздействия;

2. Правовая - профилактика;

3. Социально-психологическая - ресоциализация;

4. Системная - обучающая и самообучающая.

¹⁹ Х.Зер. Восстановительное правосудие. Новый взгляд на преступление и наказание. М: МОО “Судебно-правовая реформа”, 1998. стр.184-203.

²⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., Изд. группа “ИНФРА.М-НОРМА, 1996, 815 стр.

Из вышеперечисленных ролей, современное российское правосудие реально выполняет лишь (номинально) отдельные позиции подпункта (б) пункта 1, причем, естественно, без должного эффекта и буквально доли процента пункта 2. Допустимость указания подпункта (а) в условиях роста преступности и высокого уровня рецидивизма, видимо, следует считать исчезающе и несущественно малой.

Отдавая себе отчет в том, что вышеназванный список несравнимо беднее перечня, приведенного в уже упоминавшейся книге Х. Зера²¹, автор, тем не менее уверен, что именно эти функции необходимы в качестве базовых сегодняшнему правосудию.

3.4 Говоря о некоторых реально существующих правовых инструментах российского правосудия, нельзя не вспомнить об их оторванности от крайне необходимых им социальных технологий и институтов.

Сформировавшийся в настоящее время правовой обычай к применению репрессивных мер в отношении несовершеннолетних, которые задержаны органами правопорядка при покупке и хранении наркотиков (часть 1 статьи 228 УК), приводит к тому, что число осужденных подростков с формирующейся зависимостью от психоактивных веществ значительно увеличивается. При этом суды, рассматривающие данные дела, при выборе форм и методов наказания вынуждены ориентироваться на реально существующие в обществе возможности. К сожалению, возможности эти ограничены. Судьи, несмотря на существование в Уголовном кодексе позиций, позволяющих предусмотреть в своем решении и процедуры примирения, и социально-психологические и реабилитационные мероприятия (пункты (в) и (г) части 2 статьи 90 УК РФ), не могут этого сделать, и прежде всего, в силу отсутствия в государстве соответствующих, достаточно развитых профессиональных институтов. Следовательно, они не могут и гарантировать сочетание принципа восстановления справедливости в отношении соблюдения норм и законов гражданского общества и восстановления самого несовершеннолетнего - его физического, личностного и гражданского статуса, особенно, когда речь идет о больном подростке.

Изоляция и помещение подростка в концентрированно криминогенную среду в период его активной социализации приводит к развитию зависимости в особо тяжелой форме. Понятно, что, руководствуясь нынешней социально-правовой системой, общество неспособно решить вышеназванную проблему, а лишь загоняет ее в тупик.

3.5 Итак, выводы о состоянии российского правосудия в отношении несовершеннолетних неутешительны.

Следовательно, для получения реальных положительных сдвигов в этой области необходимы достаточно нетривиальные и, местами, кардинальные изменения в системе отношений государства и общества. Такие изменения возможны при формировании в обществе понимания необходимости внедрения восстановительной функции, которую, безусловно, должен выполнять суд как инструмент выработки справедливого решения.

²¹ Х.Зер. Восстановительное правосудие. Новый взгляд на преступление и наказание. М: МОО “Судебно-правовая реформа”, 1998, стр.177,178.

Наряду с этим, очевидно и то, что для несовершеннолетних юстиция, во исполнение этой самой восстановительной судебной функции, должна быть снабжена хорошо развитой системой социальных служб. Фондом НАН была создана Концепция Реабилитационного Пространства (КРП), которая и предполагает существование комплексной сети социально-реабилитационных программ, нацеленных на защиту прав ребенка²². По существу, следует сказать, что конструкция именуемая нами Реабилитационным Пространством, по первоначальному замыслу - есть ничто иное, как социально-реабилитационный аналог восстановительного ювенального правосудия. Первые практические шаги в деятельности социальных работников на улицах Москвы (их работой было охвачено 5 из 12 муниципальных районов Юго-Западного административного округа Москвы - примерно 500 тысяч жителей) дают весьма обнадеживающие результаты²³.

Практическим механизмом реализации КРП может стать социальный заказ, как одна из форм реализации государственных потребностей²⁴.

Осознавая, что путь у российской ювенальной юстиции неблизкий, следует привести здесь и некоторые шаги, без которых и конца пути не видно. Прежде всего:

а) необходимо само возникновение понятия ювенальная юстиция в российском праве. Для этого целесообразным представляется внесение дополнения в Федеральный Конституционный Закон “О судебной системе Российской Федерации”²⁵. Поскольку указанный закон содержит расширительную норму, допускающую введение новых специальных судов, то сделано это может быть достаточно просто, с помощью всего одной дополнительной статьи. Приведем ее текст.

Проект

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАКОН
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

“О внесении изменений и дополнений

в

*Федеральный Конституционный Закон
Российской Федерации*

“О судебной системе Российской Федерации”

Руководствуясь частью 4 статьи 15 и частью 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации, а также на основании частей 1 и 2 статьи 26 Федерального Конституционного Закона Российской Федера-

²² О. Зыков и колл. авт. Защита прав ребенка. Социальные и юридические аспекты. М., Российский благотворительный фонд “Нет алкоголизму и наркомании” (НАН), 1998, 120 стр.

²³ Б. Ширгалин. Итоговый анализ деятельности службы “Ребенок на улице”. Материал находится в библиотеке РБФ НАН.

²⁴ Н.Хананашвили и колл авт. Государственный социальный заказ. М., Российский благотворительный фонд “Нет алкоголизму и наркомании” (НАН), 1995, 32 стр.

²⁵ Собрание Законодательства Российской Федерации, 1997, №1, ст.1.

ции “О судебной системе Российской Федерации” внести в вышеуказанный Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации следующее дополнение:

“Статья 27¹. Ювенальные суды.

1. Для обеспечения наиболее полной защиты прав несовершеннолетних, на территории Российской Федерации действуют специализированные суды по делам несовершеннолетних, рассматривающие гражданские, административные и уголовные дела - ювенальные суды.

2. Ювенальные суды в пределах своей компетенции рассматривают дела, одной из сторон в которых являются несовершеннолетние, в качестве суда первой и второй инстанции, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

3. Полномочия, порядок образования и деятельности ювенальных судов устанавливаются федеральным конституционным законом”.

Только после внесения такого дополнения реально может быть начат процесс принятия закона о ювенальной юстиции.

Помимо непосредственно правовых процессов, важным необходимо считать и

б) создание практических прецедентов формирования такого пространства путем проведения пилотных проектов. Результаты этих проектов могут и должны быть беспристрастно оценены, а в саму практическую модель должны быть внесены требуемые коррективы.

Следующим элементом в системе комплексных параллельных действий в этом направлении является

в) осуществление образовательных и просветительских процессов. Очевидно, что без:

- масштабной подготовки кадров социальных работников;
- организации учебных курсов в рамках среднего и высшего образования;
- активной и трудоемкой просветительской деятельности во многих регионах России

никакая инновация не получит надлежащего развития.

В связи с этим возникает еще одна очень важная тема:

г) проведение PR-кампании в обществе. А это и статьи в СМИ, и решения самых разнообразных государственных и местных органов, и различные организационные и политически значимые мероприятия - все это, в конечном итоге и позволяет формировать общественное мнение.

д) “Пятым элементом” в приводимом списке является разработка новых социально-правовых технологий. Исходя из того, что необходимо непрерывное развитие общества, естественным должен стать и процесс создания новых подходов и принципов в решении проблем, как на межличностном уровне, так и на макросоциальном, межнациональном, межконфессиональном уровнях. Тот факт, что в конце XX века человечество не научилось жить без войн, означает, что не созданы ещё действенные технологии предотвращения конфликтов.

Всё вышеперечисленное можно, в свою очередь, назвать технологией продвижения новации. Без такой технологии любая, самая замечательная идея останется лишь пустой, пусть и красивой, химерой.